Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики. Риски и возможности для многосторонней системы глобального управления[1, 2]

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Ларионова Марина Владимировна – д.полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС), профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Шелепов Андрей Владимирович – к.э.н., с.н.с Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: shelepov-av@ranepa.ru

Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и высокоскоростной коммуникационной инфраструктуры, цифрового контента и цифровой экономики (ЦЭ) в целом как фактора экономического роста стремительно растет. Одновременно обостряется конкуренция за цифровые технологии и решения, влияние на нормы, стандарты и механизмы регулирования, формирование которых идет на ключевых площадках международного сотрудничества, в том числе в ООН, МСЭ, ВТО, ОЭСР, ЕС, «Группе двадцати» и БРИКС.

В статье представлен анализ текущего состояния сотрудничества по регулированию ЦЭ в рамках международных институтов. Авторами поставлена задача оценки влияния существующих и формирующихся в рамках ключевых международных институтов механизмов коллективного регулирования ЦЭ на распределение сил между субъектами международных отношений.

Эта оценка показывает, что связанные с ними выгоды и возможности влияния распределяются неравномерно. Ведущие развитые страны – члены ОЭСР и «Группы двадцати» получают значительные преимущества. Существуют риски, что новые механизмы упрочат баланс сил, закрепленный в Бреттон-Вудской системе, успешно противостоящей усилиям по ее реформированию. Однако регулирование ЦЭ пока не сформировалось как окончательно сложившийся порядок. Существует ли еще окно возможностей для того, чтобы не только реализовать поставленную во время кризиса 2008 г., но не выполненную задачу по реформе международной финансовой и экономической архитектуры, но и выстроить новую систему управления глобальной цифровой экономикой, обеспечивающую влияние стран с формирующимися рынками и развивающихся стран.

Статья структурирована следующим образом. Во введении сформулирована проблема, описаны ключевые параметры сравнительного анализа и критерии оценки влияния. В основном разделе представлены обзор и оценка влияния существующих и формирующихся механизмов коллективного регулирования ЦЭ на распределение сил между субъектами международных отношений. В заключительном разделе предложены выводы и рекомендации по повышению влияния России и развивающихся стран на формирование и функционирование соответствующих механизмов коллективного регулирования ЦЭ.

Ключевые слова: цифровая экономика; механизмы регулирования; международные институты; факторы влияния; «Группа двадцати»; ОЭСР; ООН; ЕС; ВТО; БРИКС

---

[1] Статья поступила в редакцию в августе 2020 г.

[2] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Ларионова М.В., Шелепов А.В. (2021). Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики. Риски и возможности для многосторонней системы глобального управления // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 29–63 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-02

Введение

Значение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и высокоскоростной коммуникационной инфраструктуры, цифрового контента и цифровой экономики (ЦЭ)[3] в целом как фактора экономического роста стремительно растет в постпандемическом обществе [OECD, 2020a; Pilat, 2020]. Одновременно обостряется конкуренция за цифровые технологии и решения, влияние на нормы, стандарты и механизмы регулирования. Анализ текущего состояния сотрудничества в рамках международных институтов показывает, что связанные с действующими и формирующимися инструментами и механизмами регулирования ЦЭ выгоды и возможности влияния распределяются неравномерно. Ведущие развитые страны – члены ОЭСР и «Группы двадцати» получают существенные преимущества. Однако регулирование ЦЭ пока не сформировалось как окончательно сложившийся порядок. Насколько велики риски, что новые институты упрочат баланс сил, закрепленный в Бреттон-Вудской системе, успешно противостоящей усилиям по ее реформированию? Существует ли еще окно возможностей для того, чтобы не только реализовать поставленную во время кризиса 2008 г., но не выполненную задачу по реформе международной финансовой и экономической архитектуры, но и выстроить новую систему управления глобальной цифровой экономикой, обеспечивающую влияние стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран? Какие коллективные действия необходимы для повышения влияния развивающихся стран на формирование и функционирование соответствующих механизмов коллективного регулирования ЦЭ?

Авторами поставлена задача провести анализ существующих и формирующихся в рамках ключевых международных институтов механизмов коллективного регулирования ЦЭ, сформировать оценку их влияния на распределение сил между субъектами международных отношений, оценить риски и предложить рекомендации, направленные на создание сбалансированной системы управления ЦЭ.

Две методологические проблемы, которые требовали решения, связаны с определением выборки документов и критериев сравнительной оценки влияния институтов.

Изначально планировалось включение в анализ всего спектра документов рассматриваемых международных институтов[4], оказывающих влияние на международную цифровую среду и определяющих условия развития ЦЭ и международного сотрудничества, включая рекомендации, принципы, доклады, декларации, аналитические записки, «дорожные карты», решения, инициативы, рейтинги и индексы, списки наилучших практик и т.д. Однако первичный отбор и анализ продемонстрировали, что,

[3] В исследовании не стояла задача определения ЦЭ и параметров ее измерения. Этому вопросу посвящено много работ, таких как фундаментальная статья [Бухт, Хикс, 2018].

[4] В рамках исследования были изучены механизмы МСЭ, ООН, ВТО, ОЭСР, ЕС, «Группы двадцати», БРИКС, Интернет-корпорации по присвоению имен и номеров, Системы профессиональных объединений на базе Общества Интернета. В данной статье представлен анализ межгосударственных организаций. Деятельность и влияние частных корпораций рассматриваются в статье [Васильковский, Игнатов, 2020].

несмотря на безусловное наличие потенциала влияния у всех перечисленных типов инструментов, некоторые из них не могут быть отнесены к инструментам регулирования. В результате в выборку были включены действующие и формирующиеся правовые инструменты регулирования ЦЭ, анализ которых включал следующие аспекты: правовой характер; лоббисты и противоречия; срок действия; открытость для присоединения; основные положения документов (цели, задачи, принципы); сферы регулирования; механизмы реализации положений; непосредственные участники (подписанты) и акторы, опосредованно затрагиваемые документом. По каждому документу формировался вывод относительно потенциала влияния на изменение баланса сил между субъектами международных отношений и рисков для реализации задач создания благоприятных внешних условий устойчивого развития и повышения конкурентоспособности экономики России. Итоговая оценка влияния каждого института формировалась с учетом оценок для совокупности их инструментов.

Что касается критериев оценки влияния, то в работах, которые посвящены оценке влияния международных акторов, в основном рассматривается влияние государств и их взаимодействие. Большинство исследований международных институтов посвящено не оценке их влияния, а проблемам эффективности. Так, [Lindoso, Hall, 2016] исследуют различные предлагаемые в литературе подходы к оценке эффективности международных организаций и выявляют ограничения этих подходов. Лалл [Lall, 2017] использует количественные данные для обоснования вывода о том, что неэффективность международных организаций связана с их использованием странами-членами для продвижения узких национальных интересов в противоположность стремлению к более широким институциональным целям. В ряде исследований рассматриваются источники влияния международных институтов. Хельдт и Шмидтке [Heldt, Schmidtke, 2017] анализируют межинституциональные различия и динамику трех основных источников влияния – задач, сфер деятельности и ресурсов – для шести международных организаций. В последнее время все большее внимание уделяется оценке легитимности международных организаций как источника их влияния. Вопросы приобретения, поддержания и утраты легитимности с этой позиции рассмотрены в работе [Tallberg, Zürn, 2019]. В одной из фундаментальных работ [Costa, Jørgensen, 2012] анализируется влияние ключевых международных институтов (ВТО, НАТО, Совет Безопасности ООН) на ЕС, однако не предлагается методология, которая позволила бы осуществить сравнение уровня влияния между этими институтами.

Тальберг с соавторами [Tallberg et al., 2016] предлагают матрицу оценки институтов, основанную на результатах их деятельности, которая может быть использована для сравнительной оценки влияния. В рамках настоящего исследования предложенный подход был доработан. Выделены шесть параметров (факторов) влияния и характеристики каждого из них:

1. Динамика (активность) нормотворчества – количество документов, динамика их принятия в рамках циклов работы, свойственных институту, и в контексте изменений условий его деятельности.
2. Охват (затрагиваемые сферы) – количество сфер регулирования в рамках ЦЭ, напрямую затрагиваемых инструментами, и сфер регулирования, опосредованно затрагиваемых инструментами, а также степень проработанности в рамках конкретной сферы, что особенно важно для специализированных институтов.
3. Потенциал влияния на подписантов и акторов, опосредованно затрагиваемых документом, исходя из доминирующего типа документов – стандартоустанавливающий, регуляторный, нормоустанавливающий.

4. Обязательность, исходя их доминирующего правового характера документов: обязательный, рекомендательный, декларативный.
5. Обеспечение исполнения – наличие и последовательность в применении механизмов мониторинга и оценки исполнения зафиксированных в документах норм или стандартов.
6. Целевая группа – количество участников и целевых групп, включая страны – члены института, другие страны и международные институты, негосударственных акторов.

Данный набор параметров позволил выполнить сравнительный анализ с учетом особенности деятельности институтов, типологии и характера используемых ими инструментов. Для каждого параметра формировалась качественная оценка по итогам анализа инструментов. Затем методом экспертной оценки определялось ее количественное значение по шкале: 0 – низкая, 0,5 – средняя, 1 – высокая. Результирующая оценка влияния для института рассчитывалась как среднее арифметическое оценок по всем шести параметрам.

Текущее состояние сотрудничества в международных организациях

ООН

Россия участвует в работе большинства ключевых международных организаций (МО), рассматривая в качестве одного из приоритетных форматов ООН, где прорабатывается российская инициатива по формированию норм, правил и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве. Взаимосвязь масштабных кибератак и краха критически важной инфраструктуры большинством экспертов оценивается как один из ключевых и усиливающихся глобальных рисков [WEF, 2020]. Вопросы международной информационной безопасности (МИБ) в повестке ООН как центра системы международных организаций имеют долгую и трудную историю, начало которой было положено в 1998 г. предложенным Россией проектом резолюции ГА «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [ГА ООН, 1999]. Созданная в 2004 г. [ГА ООН, 2002] Группа правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности представила доклад по возможным мерам устранения существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности на 60-й сессии ГА ООН в 2005 г. США не поддержали проект решения по докладу в силу различий в оценках угроз МИБ, включая разногласия по вопросу отнесения к ним использования ИКТ для достижения военно-политических целей [ГА ООН, 2005]. Несмотря на противоречия, в работе пяти последующих созывов ГПЭ последовательно расширялось количество участников и круг вопросов.

К 2016 г. по итогам работы ГПЭ 4-го созыва были сформулированы подходы к выработке норм, правил и принципов ответственного поведения государств в киберпространстве и мерам укрепления доверия. Одним из камней преткновения стало обсуждение применимости норм международного права к использованию ИКТ государствами [ГА ООН, 2015а]. В результате ГПЭ 5-го состава [ГА ООН, 2015б] 2016–2017 гг. на консенсус выйти не удалось. Инициатива России, КНР и Кубы о создании принципиально нового свода международных правил и норм поведения в киберпространстве

и создания в рамках ООН специальной Рабочей группы, открытой для участия всех государств и руководствующейся в принятии решений принципами инклюзивности, была интерпретирована США как попытка обнулить весь достигнутый ГПЭ прогресс [The Guardian, 2017]. США и их союзники исходят из полной и безоговорочной применимости существующего международного права к сфере использования ИКТ. Согласно российской позиции, такой подход влечет риски неучета специфики информационной сферы (сложность установления источника компьютерной атаки, возможности использования посредников, и т.д.), произвольного использования отдельных международно-правовых норм, включая право на самооборону, реализации концепции контрмер в цифровой сфере в обход существующих механизмов, включая Совет Безопасности ООН[5].

В результате усилий по преодолению противоречий в 2018 г. были запущены два параллельных трека: Рабочая группа открытого состава (РГОС)[6] и Группа правительственных экспертов (ГПЭ)[7]. Задачи РГОС включают выработку норм и принципов ответственного поведения государств на основе свода из 13 правил[8] и путей их реализации. ГПЭ поручено проводить исследование возможных совместных мер по устранению существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности, норм, правил и принципов ответственного поведения государств, мер укрепления доверия и мер по наращиванию потенциала, а также того, как международное право применяется к использованию ИКТ государствами. Несмотря на общность задач, с учетом конкуренции российского и американского подходов, существуют высокие риски стагнации процесса выработки универсальных «правил игры». Россия участвует в деятельности обеих Групп, стремится обеспечить взаимодополняющий характер переговорного процесса и сближение позиций, однако можно прогнозировать согласование документа на основе принципа наименьшего «общего знаменателя», ограничение влияния ООН в регулировании международной информационной безопасности и усиление тенденций к продвижению альтернативных российским подходов на других площадках [Henriksen, 2019].

---

[5] Выступление представителя Российской Федерации в Первом комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН В.И. Ермакова в рамках дискуссии по разделу «Другие меры разоружения и международная безопасность». Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/1com_intsec2310 (дата обращения: 15.07.2020).

[6] РГОС создана в соответствии с резолюцией ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» от 5 декабря 2018 г. [ГА ООН, 2018б]. Резолюция продвигалась Россией, соавторами выступили 32 страны. В поддержку резолюции проголосовали 119 членов ООН (в основном члены БРИКС (кроме Бразилии), ШОС и другие развивающиеся страны), 46 – против, 14 – воздержались.

[7] ГПЭ создана в соответствии с резолюцией ГА ООН «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» от 22 декабря 2018 г. [ГА ООН, 2018а], выдвинутой США совместно с 35 соавторами. 139 государств поддержали проект, 11 выступили против, 16 – воздержались. Среди поддержавших страны – члены ЕС и другие развитые государства.

[8] Они в значительной степени отражают базовые российские подходы в области обеспечения международной информационной безопасности. Среди них использование ИКТ исключительно в мирных целях; юрисдикция государств над информационно-коммуникационной инфраструктурой, расположенной на их территориях; применимость к использованию ИКТ государствами основных принципов международного права, таких как государственный суверенитет, равенство государств и невмешательство во внутренние дела других государств; необходимость обоснованности и доказанности обвинений в организации и совершении противоправных действий в сфере ИКТ, выдвигаемых против государств; необходимость продолжения совместной коллективной работы с конечной целью выработки универсального свода «правил игры» в области МИБ.

Международный союз электросвязи

Международный союз электросвязи (МСЭ) как специализированное учреждение ООН в области ИКТ обладает уникальным охватом членства (193 государства, а также около 900 компаний, университетов и международных и региональных организаций), а также наибольшей международной легитимностью среди межправительственных организаций в соответствующей сфере. МСЭ устанавливает технические стандарты и международные нормы, касающиеся телекоммуникаций. Основные продукты, Рекомендации (Recommendations) – стандарты, определяющие порядок функционирования и взаимодействия сетей электросвязи, не имеют обязательной силы, если только они не приняты на страновом уровне. Но в силу высокого качества Рекомендации в значительной степени интегрированы в национальное законодательство стран – членов МСЭ. Только по сектору стандартизации электросвязи (МСЭ-Т) действует более 4 тыс. рекомендаций МСЭ-Т более чем по двадцати направлениям, включая следующие: общие принципы тарификации; системы и среда передачи, цифровые системы и сети; защита от помех; конструкция, прокладка и защита кабелей и других элементов линейно-кабельных сооружений; сети передачи данных, взаимосвязь открытых систем и безопасность; глобальная информационная инфраструктура, аспекты протокола Интернет и сети последующих поколений.

Обязательную силу для подписантов имеет Регламент международной электросвязи (РМЭ) (International Telecommunication Regulations (ITRs)) [ITU, 2012], принятый на Всемирной конференции по международной электросвязи 3–14 декабря 2012 г. (ВКМЭ-12) в Дубае взамен первого РМЭ-88, членами которого были 178 стран. На этапе обсуждения документа российская делегация предлагала расширение полномочий МСЭ по контролю за Интернетом и предоставление большего контроля над информационными потоками национальным государственным органам [ITU, 2013]. Позиция России была поддержана семью странами, включая Китай, Саудовскую Аравию, Алжир, Бахрейн, Судан, Ирак и ОАЭ. Эта коалиция представила собственную редакцию РМЭ, которая предусматривала усиление суверенного контроля над веб-адресами, наделяя государства правом регулировать доступ к сайтам, присваивать, изымать и распределять IP-адреса и доменные имена [ITU, 2012b]. Если бы предложение было принято, ICANN лишилась своих полномочий по регулированию Интернета (она осуществляет контроль по распределению доменных имен и IP-адресов согласно РМЭ-88). Попытка сформировать международный механизм управления Интернетом на основе расширения полномочий МСЭ в рамках нового РМЭ встретила жесткое сопротивление США, Канады, Великобритании и ЕС. Представитель США Терри Крамер заявил, что предложение России «подразумевает, что адресация интернет-трафика может осуществляться странами, и страна сможет решать, как направлять трафик... Мы относимся к этому предложению с беспокойством» [BBC, 2012]. Как следствие, США выступили против какого-либо упоминания Интернета в тексте РМЭ. Включение в преамбулу РМЭ фразы «этот регламент признает права доступа стран-членов к услугам международной электросвязи» было расценено как попытка расширить действие РМЭ до регулирования сети Интернет и ее содержимого и использовано США, Канадой и Великобританией как предлог для отказа от ратификации. В итоге к вступившему в силу 31 декабря 2017 г. документу присоединились 89 стран[9].

Вероятность создания на базе МСЭ международного механизма по управлению Интернетом невелика. Влияние МСЭ в регулировании ЦЭ ограничено выработкой

[9] США, Австралия, Канада, Япония, Индия и ряд европейских стран не подписали РМЭ-12.

рекомендаций по стандартам технологий[10], которые имеют необязательный характер. Но в целом успешность работы по техническому блоку инструментов (рекомендации МСЭ-Т) выше, чем по РМЭ.

ВТО

История переговорного процесса по выработке правил и норм регулирования цифровой торговли не менее сложная, чем по МИБ. Рабочая программа по электронной коммерции (РПЭК), запущенная в 1998 г. с принятием на второй министерской конференции ВТО Декларации о глобальной электронной коммерции, была нацелена на создание комплекса международных правил и регуляторных стандартов в сфере электронной торговли, способствующих повышению прозрачности и предсказуемости рынка [Azevêdo, 2020]. Довольно быстро стали очевидны разногласия по основным «горизонтальным» направлениям: классификации содержимого электронной передачи данных; взаимосвязи вопросов электронной торговли и развития; налогово-бюджетным аспектам электронной торговли (в том числе обложение электронной торговли сборами и пошлинами); распространению действовавших норм и правил ВТО на электронную торговлю. К министерской конференции ВТО в Найроби в 2015 г. сложилась ситуация фактической заморозки процесса РПЭК.

Спорные вопросы касаются как субстантивной части, так и процедурных аспектов. Отсутствует консенсус о статусе электронных продуктов как товаров, услуг или смешанном и, соответственно, о необходимости регулирования цифровой торговли ГАТТ или ГАТС и о применении моратория на таможенные сборы в отношении электронной передачи данных (мораторий обновлялся каждые два года, одновременно продолжались дискуссии о закреплении его перманентного статуса). Группа африканских стран [WTO, 2017d], Группа наименее развитых стран [WTO, 2019c], Индия и ЮАР [WTO, 2017b] выступают против моратория, учитывая потенциальные экономические потери от его сохранения для развивающихся и наименее развитых стран и негативное воздействие на формирующиеся цифровые сектора развивающихся государств[11]. Бангладеш предложила дифференцированный подход – беспошлинный доступ на рынки предоставляется всеми развитыми странами, а также желающими развивающимися странами в отношении всех товаров и услуг из наименее развитых стран, экспортируемых с использованием цифровых платформ [WTO, 2017b].

США и ЕС продвигают принципы, направленные на максимальную либерализацию информационно-коммуникационных сетей и торговли цифровыми услугами. США считают важным уделять внимание новым цифровым продуктам, например, в 2011 г., с учетом роста рынка мобильных приложений и облачных вычислений, они предложили выработку правил международной торговли в этих сферах, способствующих снижению трансграничных барьеров[12]. Позиция США в отношении порядка регулирования трансграничной электронной торговли не поменялась со сменой администрации президента в 2017 г. Так, 12 апреля 2018 г. американская сторона выступила

[10] Например, Рекомендация ITU-T Y.2060 – Обзор интернета вещей. Формирование базиса для последующей стандартизации МСЭ-Т сферы интернета вещей.

[11] В совместном заявлении Индии и ЮАР приводится оценка ЮНКТАД о потенциальных потерях развивающихся стран от неприменения таможенных сборов в отношении трансграничной передачи данных – 10 075 млрд долл. США в 2017 г. (см. [WTO, 2018b]).

[12] Briefing note: Electronic commerce. Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min11_e/brief_ecom_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

с предложениями по основным принципам электронной торговли в рамках процесса Совместной инициативы по электронной коммерции [WTO, 2019b].

Группа африканских стран, Группа наименее развитых стран, Индия, ЮАР, Саудовская Аравия считают, что при наличии нерешенных вопросов в текущем формате, нельзя начинать дискуссии по новым проблемам в новых форматах. С позицией по сохранению механизма РПЭК выступил и Китай, предложив обеспечить параллельный и комплементарный характер работы в рамках РПЭК и Инициативной группы по электронной коммерции, сформировавшейся по результатам Министерской конференции ВТО 2017 г. в Буэнос-Айресе [WTO, 2019a]. Предложения Бразилии содержат ряд конкретных инициатив по «оживлению» дискуссии в рамках РПЭК [WTO, 2018a]. В октябре 2017 г. Россия представила проект решения Министерской конференции ВТО, в котором предлагалось создание Рабочей группы по электронной коммерции под эгидой Генерального совета и продление моратория на введение таможенных сборов на трансграничную передачу данных [WTO, 2017c]. С аналогичной инициативой выступили Австралия, Канада, Чили, ЕС, Норвегия, Парагвай и Республика Корея [WTO, 2017a].

Министерская конференция ВТО в Буэнос-Айресе (2017) стала точкой формализации фрагментации диалога по электронной торговле ВТО. Инициативная группа членов Организации обнародовала совместное заявление по электронной коммерции, обозначив намерение осуществлять подготовку к началу переговорного процесса вне РПЭК[13]. В январе 2019 г. 78 членов ВТО[14] инициировали новый переговорный процесс по порядку международного регулирования электронной торговли[15]. Его динамика очень высокая. За 2019–2020 гг. в базе данных ВТО зарегистрировано семь докладов о прогрессе инициативной группы, а также шестьдесят документов с предложениями и позициями государств[16]. Очевидно, что данная инициатива столкнется с противодействием со стороны Группы Африканских государств, в том числе ЮАР, а также Индии, Индонезии, Саудовской Аравии (из числа членов «Группы двадцати») и других развивающихся экономик. Это связано преимущественно с увязкой переговорных позиций в сфере цифровой коммерции с более широким кругом вопросов международного развития, в том числе имеющих ключевое значение в рамках Дохийского раунда (например, в сфере сельского хозяйства). Переговорный процесс, в том числе в рамках инициативной группы, осложняется также различием в подходах к регулированию цифрового сектора между США, КНР и ЕС, выражающихся в первую очередь во взглядах на степень государственного участия. Существенным ограничительным фактором остается общий кризис многосторонней торговой системы и ВТО. Фрагментация регулирования и переговорного процесса приводит к тому, что согласование правил осуществляется в рамках региональных

[13] New initiatives on electronic commerce, investment facilitation and MSMEs. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/minis_13dec17_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

[14] В инициативную группу вошли, среди прочих, следующие члены «Группы двадцати»: Австралия, Аргентина, Канада, Бразилия, ЕС, Китай, Япония, Республика Корея, Мексика, Россия, Турция, США.

[15] DG Azevêdo meets ministers in Davos: discussions focus on reform; progress on e-commerce. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/dgra_25jan19_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

[16] Joint Initiatives. Electronic Commerce. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Browse/FE_B_009.aspx?TopLevel=10785#/ (дата обращения: 15.07.2020).

торговых соглашений[17] и других многосторонних организаций, например, ОЭСР и «Группы двадцати»[18].

ОЭСР

Анализ документов показывает растущее влияние ОЭСР в регулировании цифровой экономики. Совокупная экономическая мощь и цифровое лидерство стран – членов Организации являются важным, но далеко не единственным фактором ее растущего влияния. Существенное значение имеют репутация Организации как уникального международного экспертного форума, качество нормотворческой деятельности и интенсивное взаимодействие с партнерами (международными и региональными организациями, странами-партнерами и социальными партнерами).

Для ОЭСР характерна высокая динамика нормотворчества в регулировании ЦЭ, оперативное реагирование на изменения и новые риски и задачи, регулярная оценка релевантности документов и их пересмотр в случае появления такой необходимости. В настоящее время действует девятнадцать правовых инструментов. В целом документы имеют всеобъемлющий характер, только в явном виде включая почти тридцать сфер. До конца года планируется согласование еще одного инструмента, регулирующего налогообложение в ЦЭ [OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, 2020], причем его влияние будет определяться не только количеством стран-участниц[19] и поддержкой «Группы двадцати»[20], но и масштабами экономических последствий пересмотра права на налогообложение трансграничной деятельности многонациональных компаний[21].

История регулирования ОЭСР аспектов цифровой экономики насчитывает более четырех десятилетий. Руководство по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных 1980 г. [OECD, 2013a] стало первым документом в этой сфере, согласованным на международном уровне, и оказало значительное влияние на политику стран – членов ОЭСР и других стран. Общие задачи были подтверждены в Декларации о трансграничных потоках данных 1985 г. [OECD, 1985]. В контексте развития технологий и повышения уровня рисков в 2013 г. были приняты Рекомендации Совета относительно Руководства по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных и обновленное Руководство [OECD, 2013b]. Руководство определило базовые принципы национального применения и международного сотрудничества для реализации цели содействия свободному потоку информации в интересах усиления ис-

---

[17] На сегодняшний день заключено 75 региональных торговых соглашений, включающих положения по электронной коммерции [Monteiro, Teh, 2017].

[18] Большинство членов «двадцатки» являются членами инициативной группы. В то же время присутствие оппонентов – Индии, Индонезии и ЮАР – значительно ослабляет потенциал «Группы двадцати». Они не присоединились к Осакскому треку, запущенному на саммите «двадцатки» в июне 2019 г.

[19] В многосторонних переговорах участвуют 137 юрисдикций.

[20] Ожидается принятие документа как общего инструмента «Группы двадцати» и ОЭСР на саммите в Эр-Рияде 21–22 ноября 2020 г.

[21] По оценкам текущего сценария пересмотра права на налогообложение общее увеличение глобальных налоговых поступлений с доходов корпораций составит 4%, или 100 млрд долл. США ежегодно. Более половины этой суммы придется на 100 ТНК [OECD, 2020b]. Однако данный расчет сделан для варианта соглашения, которое не опирается на принцип «безопасной гавани», которым США обуславливает свою политическую поддержку многостороннего решения (см.: International community renews commitment to multilateral efforts to address tax challenges from digitalisation of the economy. Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/beps/international-community-renews-commitment-to-multilateral-efforts-to-address-tax-challenges-from-digitalisation-of-the-economy.htm (дата обращения: 15.07.2020)).

пользования данных для экономического и социального развития. Рассматривая обеспечение конфиденциальности как обязательное условие снижения рисков и барьеров трансграничного использования личных данных, Руководство предусматривало укрепление сотрудничества между органами власти, ответственными за правоприменение законов по защите конфиденциальности. Соответствующие Рекомендации были приняты в 2007 г. [OECD, 2007a].

В связи с ростом потребности в развитии технологий криптографии для защиты конфиденциальности, в том числе финансовых и персональных данных, их хранения и передачи с целью развития национальных и глобальных информационных и коммуникационных сетей и технологий, а также электронной коммерции ОЭСР были согласованы Рекомендации относительно Руководства по политике шифрования [OECD, 1997]. Документ 1997 г. нацелен на формирование общих подходов в криптографической политике стран-членов; сопоставимых, интероперабельных, портативных и мобильных методов, практики и процедур криптографии. Одновременно Рекомендации создали конкурентные преимущества для усиления позиций компаний стран – членов ОЭСР на международном рынке открытой криптографии[22] и возможности для продвижения своих методов, процедур и стандартов как основы для использования в международной практике.

С учетом критической роли широкополосной связи для общества и экономики, Рекомендации о развитии широкополосной связи 2004 г. [OECD, 2004] способствовали реализации в странах-членах принципов и мер политики, обеспечивающих расширение рынка широкополосных сетей и услуг, повышение эффективности и предложения инновационных продуктов, поощрение эффективного использования широкополосных услуг с целью обеспечения конкурентоспособности стран-членов.

С ростом трансграничных потоков выросла потребность в кооперации по борьбе со спамом, наносящим существенный социальный и экономический ущерб, и формировании эффективной международной основы регулирования против спама. Принятые в 2006 г. Рекомендации по трансграничному сотрудничеству в применении законодательства против спама [OECD, 2006] сохраняют свою актуальность и сейчас, поскольку проблемы защиты от спама углубляются ростом цифровой экономики и необходимостью обеспечения безопасности Интернета.

Рекомендации Совета по электронной идентификации и Руководство по электронной идентификации ОЭСР 2007 г. [OECD, 2007b] создали основу для сопоставимости политики стран-членов в сфере электронной идентификации физических и юридических лиц на национальном и трансграничном уровне. ОЭСР взяла на себя инициативу по продвижению такого сотрудничества на глобальном уровне с подключением профильных международных организаций.

В 2008 г. были приняты Рекомендации Совета по расширенному доступу и более эффективному использованию информации государственного сектора [OECD, 2008b], направленные на более активное использование такой информации для повышения производительности и эффективности экономической деятельности.

Последний по хронологии документ первого десятилетия 2000-х – Декларация для будущего цифровой экономики (Сеульская декларация 2008 г.) [OECD, 2008a],

[22] В 2019 г. глобальный рынок только программного обеспечения составлял 7,5 млрд долл. США, в 2024 г. прогнозируется рост до 16,5 млрд долл. Основные игроки на этом рынке – компании США. Рынок аппаратных средств и техники оценивался в 2020 г. примерно в 296,4 млрд долл. США. Спрос на продукты и услуги криптографии с развитием цифровой экономики будет расти. Ключевыми драйверами роста являются цифровизация, развитие МСП, использующих новые продукты, и стандарты регулирования конфиденциальности данных.

пришедшая ей на смену в 2016 г. Декларация по цифровой экономике: инновации, рост и социальное процветание (Cancún Declaration) [OECD, 2016b] и Рекомендации по принципам политики в области Интернета 2011 г. [OECD, 2011] нацелены на реализацию сопоставимых подходов в управлении Интернетом, в том числе на основе добровольных кодексов поведения и механизмов подотчетности, международно признанных и определяемых рынком стандартов безопасности и лучших практик онлайн-безопасности. Документы также являются опорой для формирования многостороннего сотрудничества по выработке глобальных интероперабельных технических стандартов и создают возможности для влияния ведущих членов ОЭСР, прежде всего ЕС и США, и их компаний на процессы выработки этих стандартов и глобального многостороннего управления Интернетом.

Результатом инициативы ОЭСР по формированию и продвижению политики повышения экологической эффективности ИКТ и применения «умных» ИКТ во всех секторах экономики, улучшения координации политик и инициатив в этой сфере между странами-членами, а также на международном уровне стали Рекомендации Совета по ИКТ и окружающей среде [OECD, 2010]. Рекомендации создают преимущества для ИКТ, энергетических, транспортных и других компаний ОЭСР, производящих и применяющих «зеленые» технологии. Согласно оценке 2017 г., принятые в 2010 г. Рекомендации сохраняют свое значение.

Доверие пользователя и его защита рассматриваются ОЭСР как ключевые условия развития цифровой экономики. С учетом стремительных изменений в интернет-среде с 2017 г. по настоящее время ведется работа по пересмотру положений Рекомендации по защите детей в онлайн 2012 г., нацеленных на создание эффективных механизмов и регулирования в данной области [OECD, 2012b]. Рекомендации по защите потребителя в электронной торговле 2016 г. [OECD, 2016a] замещают первый инструмент ОЭСР в сфере защиты прав потребителей в электронной коммерции 1999 г. Их основная цель – создание среды для безопасной и надежной электронной коммерции на основе защиты потребителя, формирования инструментов управления, совершенствования регулирования, укрепления сотрудничества между органами защиты потребителя в международном и региональном пространстве на основе стандартов и инструментов ОЭСР. Рекомендации Совета ОЭСР по услугам международного мобильного роуминга 2012 г. [OECD, 2012a] должны были обеспечить защиту потребителя, справедливый уровень цены услуг мобильного роуминга и эффективную конкуренцию в инфраструктуре, сетях и приложениях.

В условиях ускорения цифровизации и связанных с ним рисков безопасности ОЭСР пересмотрела и обновила документы 2000-х годов. Рекомендации по управлению рисками цифровой безопасности для экономического и социального благополучия 2015 г. [OECD, 2015] приняты взамен Рекомендаций по безопасности информационных систем и сетей – к культуре безопасности 2002 г. Рекомендации нацелены на обеспечение цифровой безопасности экономик и общества на основе принятия национальных стратегий и создания сопряженных систем управления цифровой безопасностью в странах ОЭСР. Сотрудничество осуществляется на базе общих принципов, сопоставимых метрик оценки рисков, общих методологий, стандартов и лучших практик. Рекомендации Совета ОЭСР по цифровой безопасности критической деятельности 2019 г. [OECD, 2019d], принятые взамен Рекомендаций 2008 г. по защите критической информационной инфраструктуры, модернизируют ключевые концепции, расширяют сферу применения, учитывают накопленный опыт реализации предшествующих документов. Задачи рекомендаций – выработка оптимальной национальной политики и национального регулирования, обеспечивающих безопасность, но не препятствующих

развитию экономической деятельности, инноваций и цифровой экономики, сближение регулирования и международное сотрудничество. Взаимодействие направлено на обеспечение безопасности критической инфраструктуры стран ОЭСР, формирование международных стандартов (на основе стандартов ЕС и США) и создание глобального рынка услуг и товаров в области безопасности.

В 2019 г. приняты два знаковых документа – Рекомендации по управлению данными в сфере здравоохранения [OECD, 2019e] и Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту [OECD, 2019c]. Первый документ касается, прежде всего, внутренней политики стран-членов. Его задача – сблизить подходы в управлении доступностью и использовании личных данных о здоровье в рамках национальных границ и трансграничных потоков; обеспечить безопасность, конфиденциальность, интероперабельность и эффективный обмен данными на основе общих принципов, включая коды, стандарты и терминологию в рамках Организации. Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту представляются как первый межгосударственный стандарт по ИИ, призваны создать необходимую регуляторную среду и стандарты для стран ОЭСР и обеспечить их продвижение в международной среде.

Рекомендации ОЭСР не являются юридически обязательными документами, их исполнение обеспечивается политической волей участников, совокупностью механизмов мониторинга и оценки, предусмотренных и четко прописанных во всех рекомендациях и последовательно применяемых на практике для оценки и обновления. Рекомендации создают возможности закрепления и усиления влияния ведущих членов ОЭСР, прежде всего ЕС и США, причем как через рыночные механизмы, так и через соглашения с партнерами и международные институты.

«Группа двадцати»

Влияние «Группы двадцати» в регулировании цифровой экономики пока не соответствует ее потенциалу как ключевого форума экономического сотрудничества ведущих экономик мира. С 2016 г. принято одиннадцать документов как на уровне лидеров, так и на уровне министров, ответственных за цифровую экономику. Сформулировано восемьдесят конкретных обязательств, мониторинг которых показывает достаточно высокий уровень исполнения.

Первые четыре документа были согласованы в 2016 г. и приняты на уровне лидеров. Контуры инновационного роста «Группы двадцати» [Лидеры «Группы двадцати», 2016б], План действий по инновациям [Лидеры «Группы двадцати», 2016г], План действий в связи с новой индустриальной революцией [Лидеры «Группы двадцати», 2016в] и Инициатива по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики [Лидеры «Группы двадцати», 2016а] были предложены председательством КНР, чтобы стимулировать сотрудничество «двадцатки» в области цифровой экономики и инноваций как источников экономического роста. Учитывая потенциал новых технологий для повышения производительности и конкурентоспособности, Китай и другие развивающиеся страны заинтересованы в участии в управлении этими процессами, получении максимальных выгод от ожидаемых технологических изменений и трансформации промышленности, а также смягчения их негативных последствий. Инициатива была попыткой интеграции развивающихся стран в управление этими процессами, выравнивания возможностей влияния в сфере цифровой экономики и преодоления разрыва между ведущими индустриальными государствами и странами с формирующимися рынками и развивающимися странами.

Документы зафиксировали основополагающие принципы, направления и меры сотрудничества. В качестве механизма реализации согласованных положений была создана целевая группа «двадцатки». При поддержке ОЭСР целевая группа должна обеспечивать развитие сотрудничества, преемственность и последовательность с учетом приоритетов будущих председателей «Группы двадцати». В результате компромисса развитых и развивающихся стран положения документов, по сути, предусматривают развитие диалога в рамках «двадцатки» на основе принципов и подходов ОЭСР, которые были сформированы ведущими индустриальными государствами в соответствии с их интересами, возможностями и целями, с использованием механизмов и инструментов ОЭСР. Таким образом, уже на первом этапе документы создали возможности усиления влияния ОЭСР в результате включения инструментов и механизмов Организации в процессы сотрудничества «Группы двадцати».

«Дорожная карта» «Группы двадцати» по цифровизации [G20 Digital Economy Ministers, 2017], принятая на первой конференции министров «двадцатки», ответственных за цифровую экономику, подтвердила руководящие принципы и приоритеты, заявленные в документах 2016 г. В качестве ключевых были обозначены цели преодоления цифрового разрыва и использования потенциала цифровизации для инклюзивного экономического роста; формирования регулирования, обеспечивающего конкурентную среду и содействие привлечению частных инвестиций; поддержки развития и использования определяемых рынком и отраслью международных стандартов технологических продуктов и услуг; укрепления доверия на основе эффективной защиты прав потребителя, прав на объекты интеллектуальной собственности, транспарентности и безопасности в сфере использования ИКТ. Документы 2017 г. закрепили тенденцию на усиление влияния ОЭСР в результате включения приоритетов и норм сотрудничества Организации в тексты Декларации и «дорожной карты» через прямую отсылку к конкретным инструментам, через поручения, усиливающие роль ОЭСР, через интеграцию в текст конкретных положений из документов ОЭСР без прямой отсылки к ним.

В Декларации 2018 г. [G20 Digital Economy Ministers, 2018] вопросы регулирования цифровой экономики погружены в задачи сотрудничества в целях создания цифровой инфраструктуры для развития и роста. Кроме того, приняты Принципы цифрового правительства. Определены меры по ускоренному созданию цифровой инфраструктуры для развития и преодоления гендерного цифрового разрыва. Намечены шаги по дальнейшему совершенствованию измерения цифровой экономики.

В 2019 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ сформулировал в качестве приоритета председательства создание международного режима для свободного потока данных с высоким уровнем доверия. Одна из задач включала запуск «Осакского трека» – процесса создания международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста при лидирующей роли «двадцатки». Однако эта цель не была реализована. Осакская декларация лидеров «Группы двадцати» [Лидеры «Группы двадцати», 2019], посвященная вопросам цифровой экономики, сводится к решению о начале диалога об использовании потенциала данных и цифровой экономики для устойчивого роста и поддержке инициативы по выработке многостороннего соглашения по торговым аспектам электронной коммерции в рамках ВТО, сформулированной министрами торговли 78 стран – участниц ВТО в январе 2019 г. В итоге документ не изменил баланса влияния. Диалог по созданию международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста остался в рамках ОЭСР, а по торговым аспектам электронной коммерции – в рамках ВТО. В результате внутренних проблем между членами «двадцатки» не удалось вывести диалог

на уровень и реализовать лидерский потенциал «двадцатки» для запуска действительно амбициозной инициативы Абэ.

Совместная декларация министров «двадцатки», ответственных за цифровую экономику и за торговлю и инвестиции, выделяет два ключевых направления сотрудничества для достижения цели «реализации национальной и международной политики, направленной на получение максимальных преимуществ от цифровизации для экономики и общества» [G20 Trade and Digital Ministers, 2019]. Первое – создание условий для свободного потока данных на основе соблюдения национальных и международных правовых рамок, обеспечения их совместимости, защиты конфиденциальности, защиты данных и интеллектуальной собственности и укрепления доверия потребителей и бизнеса. Второе – создание условий для повышения доверия общественности к технологиям искусственного интеллекта и использования их потенциала для экономического роста и развития. Одобрены Принципы «Группы двадцати» в области развития искусственного интеллекта, выработанные на основе Рекомендаций ОЭСР по ИИ и приняты во внимание Рекомендации для национальной политики и международного сотрудничества для заслуживающего доверия ИИ (2-й раздел Принципов). Что касается стандартов безопасности, условий для свободного потока данных и реализации политики, стимулирующей инновации, они соответствуют духу и букве документов ОЭСР по управлению цифровой безопасностью, защите конфиденциальности и трансграничным потокам данных и цифровой экономике.

Заявление министров «Группы двадцати», ответственных за цифровую экономику, принятое в апреле 2020 г., направлено на использование потенциала цифровых технологий и решений для преодоления пандемии и восстановления экономики. «Ответ на COVID-19» [G20 Digital Economy Ministers, 2020] определил шесть приоритетов сотрудничества: развитие инфраструктуры и сетевой взаимосвязанности; безопасный обмен данными; исследования и развитие цифровых технологий для здоровья; использование цифровых технологий и решений для обеспечения возможности экономической деятельности в условиях пандемии; обеспечение безопасной и доверительной онлайн-среды; поддержка перехода ММСП на системы цифрового производства, электронной коммерции и цифровые бизнес-модели.

В июльской Декларации «Группы двадцати» о цифровой экономике 2020 г. министры подтвердили намерение усиливать сотрудничество по цифовизации для преодоления последствий пандемии, восстановления и обеспечения устойчивого и инклюзивного роста. В отличие от декларации 2019 г., министры одобрили 2-й раздел Принципов ИИ и сформулировали обязательство продвигать Принципы ИИ на их основе и в соответствии с национальными приоритетами. Прогресс по свободным потокам данных с доверием и трансграничным потокам данных менее значительный, но согласованы направления дальнейшей работы, прежде всего, обмен опытом и лучшими практиками, включая интероперабельность и механизмы трансфера и технологии повышения конфиденциальности. Одобрение «дорожной карты» продвижения к общей рамке измерения ЦЭ и трехуровневого подхода к определению ЦЭ создало основу для дальнейшего движения в сторону интероперабельности и формирования общих стандартов. В части, касающейся безопасности, достижением стало признание необходимости сотрудничества для продвижения безопасности в ЦЭ для обеспечения сильного, устойчивого и инклюзивного экономического роста. Преобразование Целевой группы по ЦЭ в Рабочую группу по ЦЭ подтвердило усиление внимания «Группы двадцати» к вопросам ЦЭ и их включение в долгосрочную повестку сотрудничества.

Однако, несмотря на широкий спектр направлений, сотрудничество по цифровизации не стало одной из основ достижения цели «двадцатки» по обеспечению сильного,

устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста. Не удалось реализовать задачу интеграции развивающихся стран в управление процессами формирования регулирования ЦЭ. Взаимодействие с международными организациями в Целевой группе по цифровой экономике до настоящего времени не столько усиливает потенциал влияния «двадцатки», сколько создает дополнительные возможности для самих институтов. Задача японского председательства по запуску процесса создания международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста при лидирующей роли «двадцатки» также не была реализована. Прослеживается тенденция формирования параметров сотрудничества членов «двадцатки» на основе принципов и подходов ОЭСР. Безусловно, нельзя утверждать, что их использование априори не отвечает интересам развивающихся стран и стран с формирующимися рынками. Но через сотрудничество в «двадцатке» по развитию и использованию определяемых рынком и отраслью международных стандартов технологических продуктов и услуг, соответствующих международным правилам, способствующих повышению функциональной совместимости и укреплению безопасности в сфере использования ИКТ, ОЭСР формирует преимущества для продвижения технологических компаний, продуктов, услуг и разработок своих ведущих стран-членов. Одновременно интеграция вопросов регулирования ЦЭ в «двадцатку» создает потенциальные возможности влияния развивающихся стран на дальнейшее формирование регулирования ЦЭ, которые они не могут обеспечить в рамках ОЭСР.

БРИКС

Цифровизация как самостоятельное направление сотрудничества появилась в повестке БРИКС в 2015 г. в ходе председательства России, по инициативе которой впервые состоялась встреча министров связи и была создана специальная рабочая группа. К 2020 г. члены БРИКС согласовали тридцать семь обязательств по вопросам развития ИКТ и цифровизации. В той или иной степени к сфере цифровизации можно отнести шесть документов «пятерки».

Программа развития и план действий стран БРИКС в области информационно-коммуникационных технологий [BRICS Working Group on ICT Cooperation, 2016], принятые в 2016 г., представляют собой попытку создания цифрового партнерства и выработки «дорожной карты» взаимодействия стран БРИКС в интересах преодоления цифрового разрыва. Документы определили ключевые направления и приоритеты сотрудничества. Однако за ними не последовала система мер по реализации Программы.

Рамочное соглашение о сотрудничестве БРИКС по вопросам электронной торговли [Russia and China, 2015] и Инициатива сотрудничества в сфере электронной торговли [BRICS CGETI, 2017], направленные на углубление взаимодействия стран БРИКС в рассматриваемой области, не ставили задачи выработки коллективной позиции БРИКС по соответствующим вопросам. Тем не менее реализация практических шагов, предусмотренных Инициативой, могла бы создать предпосылки для координации «пятерки» и продвижения общих позиций, например, в «Группе двадцати» и ВТО.

План действий по инновационному сотрудничеству БРИКС на период 2017–2020 гг. [BRICS Science, Technology and Innovation Ministers, 2017] утвердил долгосрочные приоритеты БРИКС, в том числе в области цифровых технологий. Его реализация и осуществление Рабочего плана стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций на 2019–2022 гг. [BRICS Science, Technology and Innovation Ministers, 2019] должны способствовать ускорению разработки и внедрения странами «пятерки» инновацион-

ных решений в передовых отраслях для обеспечения устойчивого экономического развития и сокращения цифрового разрыва.

Рабочий план Партнерства БРИКС для Новой промышленной революции (PartNIR) 2019 г. [PartNIR, 2019] включает широкий набор мер, направленных на содействие развитию цифровой экономики; создание новых локомотивов роста и инфраструктуры, удовлетворяющей потребностям Новой промышленной революции; промышленной трансформации стран БРИКС. Наполнение инициативы конкретными инновационными проектами и серьезными инвестициями и создание мощной платформы инновационного развития может оказать существенную поддержку укреплению сотрудничества стран «пятерки» по вопросам цифровой экономики и сокращению цифрового разрыва в части показателей инновационной деятельности и практического внедрения цифровых технологий для долгосрочного роста. По состоянию на 2020 г. стороны пришли к согласованным решениям относительно порядка функционирования Консультативной группы Партнерства и конкретизировали его Рабочий план, однако пока эти решения не получили практического развития.

Вопросы регулирования ЦЭ в настоящее время явным образом не включены в повестку сотрудничества БРИКС, что на практике выражается в отсутствии документов, фиксирующих решения и/или коллективную позицию «пятерки». Очевидно, это связано с противоречиями, существующими между членами по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ[23] и электронной торговли[24]. Очевидно также, что для того, чтобы обеспечить формирование нового регулирования ЦЭ с учетом интересов БРИКС и других развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, потребуется мобилизация политической воли для преодоления противоречий и действия БРИКС как коллективного актора.

Европейский союз

ЕС усиливает свое влияние в международном регулировании ЦЭ. В 2020 г. принята новая Стратегия цифрового развития ЕС. Одной из ее четырех целей является обеспечение статуса ЕС как глобального лидера в цифровой экономике на основе разработки и продвижения цифровых стандартов и регулирования с использованием всего арсенала регуляторных, дипломатических и технологических возможностей; инструментов внешнего финансирования и содействия развитию; авторитета ЕС и стран-членов в рамках международных организаций и соглашений [European Commission, 2020].

Первая Стратегия развития цифрового рынка 2015[25] опиралась на три составляющие: улучшение доступа потребителей к цифровым товарам и услугам по всей Европе; создание условий для процветания цифровых сетей и инновационных услуг; максимизацию потенциала роста цифровой экономики. За пять лет утверждено более тридцати регламентов, директив и решений, большинство из которых направлено на внутреннее регулирование. Однако многие имеют последствия для внешних акторов, так как

[23] Проявляется в диалоге по МИБ в рамках ООН. В рамках Рабочей группы экспертов (РГЭ) БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ также нет консенсуса по подходам к созданию правовой базы сотрудничества между странами БРИКС в области обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ. Россия предлагает разработку межправительственного соглашения БРИКС, Бразилия – разработку двусторонних соглашений между странами БРИКС.

[24] Проявляется в рамках ВТО (РПЭК и инициативы по выработке многостороннего соглашения по торговым аспектам электронной коммерции).

[25] Shaping the Digital Single Market. Режим доступа: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/shaping-digital-single-market#Moredocuments (дата обращения: 15.07.2020).

фактически устанавливают правила входа и поведения на рынке ЕС. Регулирование включает сферы налогообложения, обеспечения и развития связанности, электронной торговли, защиты потребителей, защиты и обработки данных, медиа и авторского права, кибербезопасности. Полный обзор требует отдельного рассмотрения, остановимся на нескольких показательных примерах.

Проект Директивы Совета, устанавливающей правила корпоративного налогообложения значительного цифрового присутствия [European Commission, 2018a], направлен на то, чтобы прибыль регистрировалась и облагалась налогом там, где предприятия имеют значительное взаимодействие с пользователями через цифровые каналы. Документ определяет правила установления налогооблагаемой базы для цифровых компаний, осуществляющих деятельность через границу в случае нефизического коммерческого присутствия, индикаторы «значительного цифрового присутствия»[26] и принципы определения налогооблагаемой прибыли на территории страны – члена ЕС. Новое регулирование касается не только учрежденных в ЕС корпоративных налогоплательщиков, но также предприятий, которые зарегистрированы или учреждены в юрисдикции, не входящей в Союз, у которой не существует договора об избежании двойного налогообложения со страной-членом значительного цифрового присутствия налогоплательщика.

Предложение по Директиве Совета об общей системе налога на цифровые услуги с доходов, полученных в результате предоставления определенных цифровых услуг [European Commission, 2018b], должно распространить налоговый режим на ту цифровую деятельность компаний, которая пока полностью отсутствует в системе сбора налогов, но приносит прибыль агентам, которые ее осуществляют[27]. Многие члены ЕС уже находятся либо в процессе принятия налогов на цифровые услуги, либо уже приняли их, например, Австрия (5%, декабрь 2019), Франция (3%, октябрь 2019), Венгрия (7,5%, июнь 2019), Италия (3%, январь 2020), Словакия (ограниченный список цифровых услуг, 5%, март 2018) [KPMG, 2019]. Это, помимо прочего, дает Комиссии аргумент в пользу необходимости принятия единого подхода на уровне ЕС, чтобы обеспечить единообразное налогообложение цифровых услуг на территории ЕС, не допустить фрагментации единого цифрового рынка и устранить потенциал для недобросовестной конкуренции между юрисдикциями.

По обеим инициативам пока не удается прийти к консенсусу. Крупные страны, прежде всего Германия, Франция и Испания, выступают за принятие обеих законодательных инициатив. Страны, которые специально подстраивали налоговый режим, чтобы привлечь на свою территорию представительства крупных корпораций (например, Ирландия), не хотят принятия общеевропейского налога и придерживаются позиции о необходимости вести работу в этом направлении в рамках ОЭСР. В марте 2019 г. Совет по экономическим и финансовым вопросам решил продолжать работу по достижению соглашения на уровне ОЭСР. Если к концу 2020 г. соглашение не будет достиг-

[26] «Значительное цифровое присутствие» считается существующим в государстве-члене в налоговом периоде, если бизнес полностью или частично состоит из поставки цифровых услуг через цифровой интерфейс и выполняется одно или несколько из следующих условий: общие доходы, полученные за текущий налоговый период в результате предоставления цифровых услуг пользователям, расположенным в государстве – члене ЕС, превышают 7 млн евро; число пользователей цифровых услуг превышает 100 тыс.; количество коммерческих контрактов на поставку любой цифровой услуги превышает 3 тыс.

[27] Преимущественно услуги цифровых интерфейсов с общей суммой налогооблагаемых доходов, полученных предприятием в рамках Союза в течение данного финансового года, более 50 млн евро.

нуто, ЕС продолжит внутренний процесс налоговой реформы. В таком случае страны-члены получат возможность взымать НДС с генерирующих прибыль на их территориях компаний, которые сейчас пользуются преимуществом регистрации в юрисдикциях с более благоприятным налоговым режимом. Также увеличится роль координирующей роли Комиссии в налоговой сфере. Данная мера касается крупного бизнеса (американских и китайских цифровых и интернет-гигантов Facebook, Google, Amazon, Ali-Baba) и не будет дополнительно обременять малый бизнес.

Другие примеры влияния регулирования ЕС за пределами Союза включают Регламент (ЕС) 2019/1150 о содействии справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредников[28]; Регламент (ЕС) 2016/679 о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных[29]; Директиву (ЕС) 2018/1808 о внесении изменений в Директиву 2010/13 о координации определенных положений, предусмотренных законом, нормативными актами или административными действиями в государствах-членах, касающихся предоставления аудиовизуальных услуг средствами массовой информации[30].

Несмотря на то что ЕС не является лидером по числу высокотехнологичных компаний, Союз закрепляет нормативное лидерство и возможность экстраполировать свое законодательство на других акторов на основе других факторов. Привлекательность потребительского рынка ЕС определяет необходимость следовать его правилам. Преимуществами ЕС являются также развитая система бюрократии, которая может достаточно эффективно принимать регуляторные документы; очень сильная и развитая система права, обеспечивающая правоприменение; своего рода моральное лидерство, которое позволяет представлять требования ЕС как априори верные; значительная роль в международных организациях.

Заключение. Выводы и рекомендации

Анализ показывает, что ведущие развитые страны – члены ОЭСР, ЕС и «Группы двадцати» имеют значительные преимущества для укрепления своего влияния в рамках существующих и формирующихся коллективных механизмов регулирования ЦЭ (табл. 1).

Существуют высокие риски стагнации переговорного процесса по МИБ из-за конкурирующих подходов России и США в Рабочей группе открытого состава (РГОС) и Группе правительственных экспертов (ГПЭ) соответственно. Ассоциированные с этими рисками проблемы включают ограничение влияния ООН в регулировании МИБ

[28] Любая онлайн-платформа и поисковая система, которая хочет выйти на европейский рынок и работать с европейскими потребителями и бизнесом, должна соответствовать требованиям, прописанным в Регламенте [European Parliament and Council, 2019].

[29] Регламент устанавливает правила, касающиеся защиты физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободного перемещения персональных данных. Его действие распространяется на любых акторов (государственных и негосударственных), которые каким-либо образом обрабатывают любые данные граждан ЕС или на территории ЕС. Компании, базирующиеся за пределами ЕС, должны применять те же правила, предлагая услуги и товары или отслеживая поведение людей в пределах ЕС. Кроме того, регламент устанавливает правила для предоставления ЕС другим странам и международным организациям данных, которые эксплицитно содержат требования защиты прав человека и правового государства. Учитывая возможные разногласия и очевидный политический аспект данного вопроса, ЕС может отказывать в обработке данных своих граждан акторам (государствам и их компаниям), которые не соответствуют требованиям ЕС [European Parliament and Council, 2016].

[30] Требования, изложенные в директиве, распространяются на весь аудиовизуальный контент, поступающий на территорию ЕС [European Parliament and Council, 2018].

Таблица 1. Оценка влияния международных институтов на формирование коллективных механизмов регулирования цифровой экономики

Институт	**Динамика (активность) нормотворчества**	**Охват (затрагиваемые сферы)**	**Потенциал влияния, исходя из доминирующего типа документов**	**Обязательность, исходя из доминирующего правового характера документов**	**Обеспечение исполнения**	**Целевая группа**	**Среднее**
ООН	0,5	1	0	0,5	0	0,5	0,42
МСЭ	0,5	1	1	0,5	0	0,5	0,58
ВТО	0,5	1	1	1	0,5	1	0,83
ОЭСР	1	1	1	0,5	1	1	0,92
«Группа двадцати»	1	1	0	0	0,5	1	0,58
БРИКС	0,5	0,5	0	0	0,5	1	0,42
ЕС	1	1	1	1	1	1	1

Источник: Составлено авторами.

и усиление тенденций к продвижению альтернативных российским подходов на других площадках. Есть ряд факторов, которые необходимо использовать для достижения прогресса. Участвуя в работе обеих групп, Россия могла бы приоритизировать достижение консенсуса по выработке норм ответственного поведения государства. Это означает отнесение вопросов по созданию принципиально нового свода международных правил на более дальнюю перспективу. Но такой поход соответствует принципиальной позиции России о центральной роли ООН, универсальных норм международного права и Устава ООН [МИД РФ, 2020]. Он также даст возможность сохранить влияние, удержать процесс в рамках ООН, максимально разделить вопросы безопасности, концентрировав их в ООН, и вопросы экономики, вынося их на такие площадки, как «Группа двадцати».

Возможно, если бы предложение по новому РМЭ ограничилось расширением полномочий МСЭ по управлению Интернетом и фиксировало распределение компетенций между МСЭ и ICANN, оно могло бы получить поддержку ЕС и ряда других государств, и вероятность достижения консенсуса по расширению полномочий МСЭ была бы выше. Но солидаризация с предложением по усилению суверенного контроля катализировала неприятие значительного количества стран. В результате к новой версии РМЭ присоединилось 88 стран (ср. с участниками первой версии – 188). Однако влияние Рекомендаций МСЭ по стандартам технологий по-прежнему высоко. В этой связи в МСЭ более целесообразно сосредоточить усилия на выработке рекомендаций по новым технологическим направлениям, например, интернету вещей и пятому поколению мобильных технологий развития (стандарту 5G или IMT-2020).

Работа двух независимых треков по электронной коммерции должна получить развитие в рамках 12-й Министерской конференции ВТО в Нур-Султане, проведение которой планируется на июнь 2021 г.[31] Россия могла бы более активно действовать на

[31] WTO members discuss Kazakhstan's offer to host 12th Ministerial Conference in June 2021. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/gc_29may20_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

обоих треках, содействуя их комплементарности, а также повышению прозрачности и открытости процесса Совместного заявления по электронной коммерции (СЗЭК) для всех членов ВТО. Важно использовать близость подходов к сущностным и процедурным вопросам РПЭК для развития диалога с ЕС и КНР. Диалог с ЕС был бы также полезен и для наших двусторонних отношений. При посредничестве России БРИКС мог бы стать важной площадкой для урегулирования противоречий с Индией и ЮАР и выработки общей позиции. Одновременно необходимо усиление сотрудничества по развитию регулирования электронной коммерции в рамках ЕАЭС.

Рекомендации ОЭСР позиционируются как регуляторный, нормативный и ценностный ориентир, формируют общие стандарты стран-членов, которые затем продвигаются в международную практику через сотрудничество со странами, не входящими в Организацию, в том числе через многосторонние, региональные, двусторонние и рыночные механизмы. Влияя на международное регулирование, члены ОЭСР, прежде всего США и страны ЕС, формируют глобальный рынок услуг и товаров, соответствующих их стандартам. Таким образом, создаются возможности для компаний и технологий стран-членов, которые позиционируются как отвечающие лучшим стандартам, нормам и принципам. Основные риски для России связаны с отсутствием возможности участия в выработке и влияния на параметры новых механизмов и инструментов регулирования.

ЕС усиливает свое влияние в регулировании ЦЭ внутри Союза и за его пределами. Стратегия цифрового развития ЕС, принятая в 2020 г., предусматривает меры по дальнейшему строительству единого цифрового рынка и продвижения цифровых стандартов и регулирования ЕС в международное пространство. Учитывая значение ЕС как одного из ключевых экономических партнеров России, необходимо обеспечить мониторинг и оценку влияния новых законодательных инициатив, предпринимаемых ЕС для реализации Стратегии, на торгово-экономические отношения России и ЕС. Это особенно важно в контексте задач по развитию экспорта цифровых продуктов. Также важно использовать влияние ЕС для консолидации усилий в рамках международных организаций, где это отвечает интересам России. Например, в ОЭСР подход по налогообложению в условиях цифровой экономики, который отстаивает ЕС, отвечает интересам России. Налогообложение крупнейших корпораций, имеющих существенное цифровое присутствие и генерирующих прибыль на рынке России, позволит увеличить поступления в бюджет и не подвергать отечественные компании дополнительному налоговому бремени. Одним из приоритетов ЕС будет продвижение своих стандартов и регулирования на пространстве СНГ, включая страны – члены ЕАЭС. В этой связи необходимо, с одной стороны, развивать регулирование ЦЭ в рамках ЕАЭС с учетом лучших практик ЕС и ОЭСР, с другой стороны – попытаться выстроить сотрудничество ЕАЭС – ЕС, минимизировав одностороннее влияние ЕС на партнеров по ЕАЭС и создавая предпосылки для взаимодействия по другим направлениям.

Влияние «Группы двадцати» в регулировании цифровой экономики пока не соответствует ее потенциалу как ключевого форума экономического сотрудничества ведущих экономик мира. При этом есть веские аргументы в пользу усиления сотрудничества «двадцатки» по регулирования ЦЭ. Во-первых, координация процессов формирования механизмов коллективного регулирования ЦЭ должна быть неотъемлемой составляющей повестки «Группы двадцати» как главного форума международного экономического сотрудничества. Во-вторых, развитие ЦЭ является обязательным условием достижения основной цели «двадцатки» по обеспечению сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста. В-третьих, «двадцатка» имеет опыт, связанный с реформой глобального финансового регулирования.

Особенности постпандемического восстановления, сформированный фундамент сотрудничества и решения 2020 г. создают окно возможностей для выхода на новый уровень взаимодействия и усиления влияния «двадцатки» в процессах формирования коллективных механизмов регулирования ЦЭ. Это важно с учетом того, что у России нет механизмов влияния в ОЭСР, переговорные процессы в ООН и ВТО испытывают сложности, а в рамках БРИКС решения по регулированию цифровой экономики, фиксирующие коллективную позицию «пятерки» по таким вопросам, как цифровая безопасность, управление Интернетом, развитие цифровой инфраструктуры, совершенствование регулирования, пока отсутствуют.

Интеграция вопросов регулирования ЦЭ в «двадцатку» создает потенциальные возможности влияния развивающихся стран на дальнейшее формирование регулирования ЦЭ. В этой связи целесообразно подтягивать работу по ключевым направлениям регулирования ЦЭ в «двадцатку». Даже в ситуации, когда разработка этих инициатив может вестись на базе формирующихся или существующих документов ОЭСР, как, например, в случае с безопасностью критической инфраструктуры, Принципами искусственного интеллекта и Рекомендациями по защите потребителя, возможности влияния в рамках «двадцатки» для развивающихся стран и стран с формирующимися экономиками будут существенно выше. В контексте противодействия пандемиям и необходимости укрепления систем здравоохранения усиливается потребность в сотрудничестве по управлению данными[32]. С учетом этого, а также роли данных в ЦЭ[33], целесообразно активизировать в «Группе двадцати» диалог по выработке общих подходов к управлению данными на национальном и международном уровне, включая вопросы их наличия, доступности, целостности, возможности использования, безопасности.

Помимо обмена данными, следует вынести на «двадцатку» проблемы регулирования цифровых платформ. Они обсуждаются уже несколько лет [Dominioni, 2019]. Задача не может решаться на национальном уровне, хотя такие инициативы и предложения тоже существуют[34]. Есть опыт [European Parliament and Council, 2019], планы[35] и предложения [Strowel and Vergote, 2016] по регулированию на региональном уровне. ОЭСР в настоящее время изучает возможности и влияние платформ на экономику и общество [OECD, 2019a] и обсуждает подходы к их регулированию, прежде всего в части налогообложения [OECD, 2019f, p. 12][36].

Снизить риски легитимации сформированных ОЭСР норм и стандартов через «Группу двадцати» может создание Совета цифровой стабильности как института, от-

[32] Намеченные направления сотрудничества включают согласование принципов, обеспечивающих конфиденциальность, доверие, доступность и возможность обмена данными; совершенствование национальной политики; наращивание возможностей использования данных и обмена ими между секторами и странами [OECD, 2019a].

[33] Прогресс в цифровой трансформации экономики и общества в значительной степени зависит от качества и возможности использования данных. По оценкам ОЭСР, доступ и обмен данными могут давать прирост от 0,1 до 1,5% ВВП в случае данных государственного сектора, и от 1 до 2,5% ВВП в случае включения данных частного сектора [OECD, 2019b].

[34] Например, для США см.: [Kimmelman, 2019; Feld, 2019; Stigler Center and Chicago Booth, 2019]. Для Великобритании – [Digital Competition Expert Panel, 2019].

[35] Regulation of digital platforms: launch of a European working group. Режим доступа: https://www.gouvernement.fr/en/regulation-of-digital-platforms-launch-of-a-european-working-group (дата обращения: 15.07.2020).

[36] Public comments received on the draft Model Rules for Reporting for Platform Operators with respect to Sellers in the Sharing and Gig Economy. Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/public-comments-received-on-the-draft-model-rules-for-reporting-for-platform-operators-with-respect-to-sellers-in-the-sharing-and-gig-economy.htm (дата обращения: 15.07.2020).

ветственного за разработку, координацию и мониторинг реализации регулирования ЦЭ с участием ключевых организаций и приглашенных стран. По аналогии с Советом финансовой стабильности его можно назвать Совет цифровой стабильности (Digital Stability Board) [Fay, 2019]. Предлагаемый механизм может помочь избежать кризиса, связанного со слабостью международной системы регулирования, как это случилось в 2008 г. Одновременно такая площадка позволит странам с формирующимися экономиками и развивающимся странам полноценно участвовать в формировании механизмов регулирования ЦЭ.

Источники

Бухт Р., Хикс Р. (2018). Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. Т. 13. № 2. С. 143–172 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

Васильковский С.А., Игнатов А.А. (2020). Концепция цифрового суверенитета и роль негосударственных институтов в системе регулирования Интернета // Вестник международных организаций. Т. 15. № 4.

ГА ООН (1999). Резолюция 53/70. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/53/70 (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2002). Резолюция 56/19. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/56/19 (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2005). Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Доклад Генерального секретаря. Режим доступа: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/60/202 (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2015а). Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Записка Генерального секретаря. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/70/174 (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2015б). Резолюция 70/237. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/70/237 (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2018а). Резолюция 73/266. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/RES/73/266 (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2018б). Резолюция 73/27. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/27&Lang=R (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016а). Инициатива «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Инициатива%20цифр.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016б). Контуры инновационного роста «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Контуры.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016в). План действий «Группы двадцати» в связи с новой индустриальной революцией. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20индастриал.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016г). План действий «Группы двадцати» по инновациям 2016 г. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20инновации.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2019). Осакская декларация по вопросам цифровой экономики. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/OSAKA_DECLARATION_ON_DIGITAL_ECONOMY_rus.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2020). Экстренный саммит лидеров «Группы двадцати». Заявление по новой коронавирусной инфекции COVID-19. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/saudovskoe-

predsedatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders'%20Summit_Statement_RUS.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

МИД РФ (2020). Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2019 г. Режим доступа: https://www.mid.ru/documents/10180/4105169/%D0%9E%D0%91%D0%97%D0%9E%D0%A0+2019.docx/5ea5f13c-881a-45a8-9f61-831241e70e93 (дата обращения: 15.07.2020).

BBC (2012). Russia backtracks on internet governance proposals. 11 December. Режим доступа: https://www.bbc.com/news/20676293 (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS CGETI (2017). BRICS E-commerce Cooperation Initiative. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20(2).pdf (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS Science, Technology and Innovation Ministers (2017). BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017-2020). Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20Action%20Plan%20for%20Innovation%20Cooperation.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS Science, Technology and Innovation Ministers (2019). BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2019-2022. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/STI_WORKING_PLAN_2019-2022.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS Working Group on ICT Cooperation (2016). ICT Development Agenda and Action Plan. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/indianpresidency2/11-11-2016%20BRICS%20ICT%20Development%20Agenda%20&%20Action%20plan.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Costa O., Jørgensen K. (2012). The Influence of International Institutions on the EU: A Framework for Analysis. DOI: 10.1057/9780230369894_1.

Digital Competition Expert Panel (2019). Unlocking digital competition. Report. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/785547/unlocking_digital_competition_furman_review_web.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Dominioni S. (2019). Digital Economic Powers and Digital Political Rulers. Режим доступа: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/digital-economic-powers-and-digital-political-rulers-24187 (дата обращения: 15.07.2020).

European Commission (2018a). Proposal for a Council Directive laying down rules relating to the corporate taxation of a significant digital presence. Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_significant_digital_presence_21032018_en.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

European Commission (2018b). Proposal for a Council Directive on the common system of a digital services tax on revenues resulting from the provision of certain digital services. Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_common_system_digital_services_tax_21032018_en.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

European Commission (2020). Shaping Europe's Digital Future. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

European Parliament and Council (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (дата обращения: 15.07.2020).

European Parliament and Council (2018). Directive (EU) 2018/1808 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 amending Directive 2010/13/EU on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive) in view of changing market realities. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1808/oj (дата обращения: 15.07.2020).

European Parliament and Council (2019). Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R1150 (дата обращения: 15.07.2020).

Fay R. (2019). Digital Platforms Require a Global Governance Framework. Режим доступа: https://www.cigionline.org/articles/digital-platforms-require-global-governance-framework (дата обращения: 15.07.2020).

Feld H. (2019). The Case for the Digital Platform Act: Market Structure and Regulation of Digital Platforms. Режим доступа: https://www.publicknowledge.org/assets/uploads/documents/Case_for_the_Digital_Platform_Act_Harold_Feld_2019.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

G20 Digital Economy Ministers (2017). G20 Digital Economy Ministerial Conference. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/g20-digital-economy-ministerial-declaration-english-version.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

G20 Digital Economy Ministers (2018). G20 Digital Economy Ministerial Declaration. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/g20_detf_ministerial_declaration_salta.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

G20 Digital Economy Ministers (2020). COVID-19 Response Statement. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/saudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20DETF%20COVID-19%20Ministerial%20Statement_EN.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

G20 Trade and Digital Ministers (2019). G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Heldt E., Schmidtke H. (2017). Measuring the Empowerment of International Organizations: The Evolution of Financial and Staff Capabilities // Global Policy. No 8. P. 51–61. Режим доступа: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12449 (дата обращения: 15.07.2020).

Henriksen A. (2019). The end of the road for the UN GGE process: The future regulation of cyberspace // Journal of Cybersecurity. Vol. 5. Iss. 1. Tyy009. Режим доступа: https://academic.oup.com/cybersecurity/article/5/1/tyy009/5298865 (дата обращения: 15.07.2020).

ITU (2012). Final Acts of the World Conference on International Telecommunications (Dubai, 2012). Режим доступа: https://www.itu.int/en/wcit-12/Documents/final-acts-wcit-12.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Kimmelman G. (2019). The Right Way to Regulate Digital Platforms. Режим доступа: https://shorensteincenter.org/the-right-way-to-regulate-digital-platforms/

KPMG (2019). Taxation of the digitalized economy. Режим доступа: https://tax.kpmg.us/content/dam/tax/en/pdfs/2019/digitalized-economy-taxation-developments-summary.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Lall R. (2017). Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations // International Organization. 71 (2). P. 245–280. doi:10.1017/S0020818317000066.

Lindoso V., Hall N. (2016). Assessing the effectiveness of multilateral organizations. BSG-WP-2016/013, April. Режим доступа: https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-05/2016-04_Hall_Lindoso-Multilateral_Effectiveness.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Monteiro J.-A., The R. (2017). Provisions on Electronic Commerce in Regional Trade Agreements. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201711_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (1985). Declaration on Transborder Data Flows. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0216 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (1997). Recommendation of the Council concerning Guidelines for Cryptography Policy. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0289 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2004). Recommendation of the Council on Broadband Development. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0322 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2006). Recommendation of the Council on Cross-Border Co-operation in the Enforcement of Laws against Spam. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0344 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2007a). Recommendation of the Council on Cross-border Co-operation in the Enforcement of Laws Protecting Privacy. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0352 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2007b). Recommendation of the Council on Electronic Authentication. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0353 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2008a). Declaration for the Future of the Internet Economy (The Seoul Declaration). Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0366 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2008b). Recommendation of the Council for Enhanced Access and More Effective Use of Public Sector Information. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0362 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2010). Recommendation of the Council on Information and Communication Technologies and the Environment. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0380 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2011). Recommendation of the Council on Principles for Internet Policy Making. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0387 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2012a). Recommendation of the Council on International Mobile Roaming Services. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0388 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2012b). Recommendation of the Council on the Protection of Children Online. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0389 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2013a). Recommendation of the Council concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2013b). The OECD Privacy Framework. Режим доступа: https://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecd_privacy_framework.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2015). Recommendation of the Council on Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0415 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2016a). Consumer Protection in E-commerce. OECD Recommendation. Режим доступа: https://www.oecd.org/sti/consumer/ECommerce-Recommendation-2016.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2016b). Declaration on the Digital Economy: Innovation, Growth and Social Prosperity (Cancún Declaration). Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0426 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2019a). An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation. Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/an-introduction-to-online-platforms-and-their-role-in-the-digital-transformation_53e5f593-en;jsessionid=XNP36WHdzLdM2vJO0c2M6jYa.ip-10-240-5-42 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2019b). Enhancing Access to and Sharing of Data. Режим доступа: https://www.oecd.org/going-digital/enhancing-access-to-and-sharing-of-data.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2019c). Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2019d). Recommendation of the Council on Digital Security of Critical Activities. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0456 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2019e). Recommendation of the Council on Health Data Governance. Режим доступа: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0433 (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2019f). The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. Режим доступа: https://doi.org/10.1787/e0e2dd2d-en (дата обращения: 15.07.2020).

OECD (2020a). Policy options to support digitalization of business models during COVID-19: Annex. Режим доступа: http://www.oecd.org/sti/policy-options-to-support-digitalization-of-business-models-during-covid-19-annex.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

OECD (2020b). Tax challenges arising from the digitalisation of the economy. Update on the economic analysis & impact assessment. Webcast. Режим доступа: https://www.oecd.org/tax/beps/presentation-economic-analysis-impact-assessment-webcast-february-2020.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS (2020). Statement by the OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS on the Two-Pillar Approach to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. Режим доступа: http://www.oecd.org/tax/beps/statement-by-the-oecd-g20-inclusive-framework-on-beps-january-2020.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

PartNIR (2019). Work Plan for the BRICS Partnership on New Industrial Revolution. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/briks-brazilskoe-predsedatelstvo-2019/20190917_PARTNIR_WORK_PLAN.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Russia and China (2015). Framework for BRICS E-commerce Cooperation. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/Ecommerce-cooperation.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Stigler Center for the Study of the Economy and the State (Stigler Center) and The University of Chicago Booth School of Business (Booth School) (2019). Report, Committee for the Study of Digital Platforms, Market Structure and Antitrust Subcommittee. Draft of 15 May. Режим доступа: https://research.chicagobooth.edu/-/media/research/stigler/pdfs/market-structure---report-as-of-15-may-2019.pdf?la=en&hash=B2F11FB118904F2AD701B78FA24F08CFF1C0F58F (дата обращения: 15.07.2020).

Strowel A., Wouter V. (2016). Digital Platforms: To Regulate or Not To Regulate? Режим доступа: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/uclouvain_et_universit_saint_louis_14044.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Tallberg J., Sommerer T., Squatrito T., Lundgren M. (2016). The performance of international organizations: a policy output approach // Journal of European Public Policy. 23:7. P. 1077–1096. DOI: 10.1080/13501763.2016.1162834.

Tallberg J., Zürn, M. (2019). The legitimacy and legitimation of international organizations: introduction and framework // Review of International Organizations. No. 14. P. 581–606. DOI:10.1007/s11558-018-9330-7. Режим доступа: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11558-018-9330-7.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

The Guardian (2017). Dispute along cold war lines led to collapse of UN cyberwarfare talks, 23 August. Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2017/aug/23/un-cyberwarfare-negotiations-collapsed-in-june-it-emerges (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017a). Work Programme on E-Commerce. Communication from Australia, Canada, Chile, the European Union, the Republic of Korea, Norway and Paraguay. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278,238899&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishrecord=true (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017b). Work Programme on Electronic Commerce. Communication from Bangladesh, Panama and Singapore. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-Html.aspx?Id=240761&BoxNumber=3&DocumentPartNumber=1&Language=E&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True&Window=L&PreviewContext=DP&FullTextHash=371857150# (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017c). Work Programme on E-Commerce. Communication from the Russian Federation. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239336,239275,239266,239269,239278,238899,238906&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017d). The Work Programme on Electronic Commerce. Statement by the African Group. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239609,239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=False&HasSpanishRecord=False (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2018a). Exploratory work on electronic commerce. Non-paper from Brazil. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/Jobs/GC/176.pdf&Open=True (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2018b). Work Programme on Electronic Commerce. Moratorium on customs duties on electronic transmissions: need for a re-think. Communication from India and South Africa. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W747.pdf&Open=True (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2019a). Joint statement on electronic commerce. Communication from China. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/19.pdf&Open=True (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2019b). Joint statement on electronic commerce initiative. Communication from the United States. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/5.pdf&Open=True (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2019c). Work Programme and Moratorium on Electronic Commerce. Communication from Chad on behalf of the LDC Group. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W787.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance[1, 2]

M. Larionova, A. Shelepov

Marina Larionova – PhD, Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Andrey Shelepov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russian Federation; E-mail: shelepov-av@ranepa.ru

Abstract

The role of information and communications technology (ICT), high-speed communication infrastructure, digital content and the digital economy is expected to grow in the post-pandemic society. Simultaneously, competition for digital technologies and solutions and the contest to influence norms, standards and regulatory mechanisms is escalating. The new regulatory mechanisms and approaches are concurrently being shaped in the key international institutions, including the United Nations (UN), the International Telecommunication Union (ITU), the World Trade Organization (WTO), the Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD), the European Union (EU), the Group of 20 (G20) and the BRICS group of Brazil, Russia, India, China and South Africa.

This article presents analysis of the current cooperation on issues of digital economy regulation within the main international institutions. The study aims to assess the influence of the existing and emerging regulatory mechanisms on the balance of power between the key international actors.

This assessment of the emerging mechanisms' impact on the balance of power among international actors indicates that advantages and leverage capabilities accruing from them are distributed unevenly. The advanced members of the OECD and the G20 gain significant advantages, and there is a risk that the new mechanisms will consolidate the balance of power embodied by the Bretton Woods system, which has successfully resisted decades-long endeavors for its reform.

However, regulation of the digital economy is not yet built as an established order. A window of opportunity was opened in 2020, not only to implement the G20's 2008 pledge to reform the international financial and economic architecture, but also to build a new digital economy governance system, ensuring that emerging markets and developing countries have a voice in decision-making commensurate with their weight in the global economy.

The article is structured in three parts. The introduction presents the research questions and objectives and describes the parameters of comparative analysis and influence assessment criteria. The second section reviews the emerging mechanisms and instruments and reflects on their influence on the balance of power. The third section puts forward conclusions and recommendations for enhancing the influence of emerging markets and developing countries on the shaping and functioning of the emerging digital economy's regulatory mechanisms.

Key words: digital economy; regulatory mechanisms; international institutions; factors of influence; G20; OECD; UN; EU; WTO; BRICS

For citation: Larionova M., Shelepov A. (2021). Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 29–63 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-02

---

[1] The editorial board received the article in August 2020.

[2] The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

References

Azevêdo R. (2020). *Speech: Joint Statement on E-Commerce*. Davos, 24 January. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/spra_e/spra300_e.htm (accessed 15 June 2020).

BBC (2012). *Russia Backtracks on Internet Governance Proposals*. 11 December. Available at: https://www.bbc.com/news/20676293 (accessed 15 July 2020).

Bowcott O. (2017). Dispute Along Cold War Lines Led to Collapse of UN Cyberwarfare Talks. *The Guardian*, 23 August. Available at: https://www.theguardian.com/world/2017/aug/23/un-cyberwarfare-negotiations-collapsed-in-june-it-emerges (accessed 15 July 2020).

BRICS Contact Group on Economic and Trade Issues (CGETI) (2017). BRICS E-Commerce Cooperation Initiative. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20(2).pdf (accessed 15 July 2020).

BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministers (2017). BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017–2020). Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20Action%20Plan%20for%20Innovation%20Cooperation.pdf (accessed 15 July 2020).

BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministers (2019). BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2019–2022. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/STI_WORKING_PLAN_2019-2022.pdf (accessed 15 July 2020).

BRICS Working Group on ICT Cooperation (2016). ICT Development Agenda and Action Plan. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/indianpresidency2/11-11-2016%20BRICS%20ICT%20Development%20Agenda%20&%20Action%20plan.pdf (accessed 15 July 2020).

Bucht R., Hicks R. (2018). Opredeleniye, kontseptsiya i izmereniye tsifrovoy ekonomiki [Definition, Concept and Measurement of the Digital Economy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, vol 13, no 2, pp. 143–72. Available at: http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07 (in Russian).

Costa O., Jørgensen K. (2012). The Influence of International Institutions on the EU: A Framework for Analysis. *The Influence of International Institutions on the EU* (O. Costa, K. Jørgensen (eds)). London: Palgrave Macmillan. Available at: http://www.doi.org/10.1057/9780230369894_1.

Digital Competition Expert Panel (2019). Unlocking Digital Competition: Report. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/785547/unlocking_digital_competition_furman_review_web.pdf (accessed 15 July 2020).

Dominioni S. (2019). Digital Economic Powers and Digital Political Rulers. Commentary, 17 October. Italian Institute for International Studies. Available at: https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/digital-economic-powers-and-digital-political-rulers-24187 (accessed 15 July 2020).

Ermakova V.I. (2017). Vystupleniye predstavitelya Rossiyskoy Federatsii v Pervom komitete 72-y sessii General'noy Assamblei OON V.I. Yermakova v ramkakh diskussii po razdelu "Drugiye mery razoruzheniya i mezhdunarodnaya bezopasnost'". Rezhim dostupa [Speech by the Representative of the Russian Federation in the First Committee of the 72nd session of the UN General Assembly V.I. Ermakova in the Framework of the Discussion on the Section "Other Measures of Disarmament and International Security"]. 23 October. Available at: https://russiaun.ru/ru/news/1com_intsec2310 (accessed 15 June 2020) (in Russian).

European Commission (EC) (2018a). Proposal for a Council Directive Laying Down Rules Relating to the Corporate Taxation of a Significant Digital Presence. COM (2018) 147 Final. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_significant_digital_presence_21032018_en.pdf (accessed 15 July 2020).

European Commission (EC) (2018b). Proposal for a Council Directive on the Common System of a Digital Services Tax on Revenues Resulting From the Provision of Certain Digital Services. COM (2018) 148 Final. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_common_system_digital_services_tax_21032018_en.pdf (accessed 15 July 2020).

European Commission (EC) (2020). Shaping Europe's Digital Future. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf (accessed 15 July 2020).

European Commission (EC) (n. d.). Shaping the Digital Single Market. Available at: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/shaping-digital-single-market#Moredocuments (accessed 15 June 2020).

European Parliament and Council (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons With Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (accessed 15 July 2020).

European Parliament and Council (2018). Directive (EU) 2018/1808 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 Amending Directive 2010/13/EU on the Coordination of Certain Provisions Laid Down by Law, Regulation or Administrative Action in Member States Concerning the Provision of Audiovisual Media Services (Audiovisual Media Services Directive) in View of Changing Market Realities. Available at: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1808/oj (accessed 15 July 2020).

European Parliament and Council (2019). Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on Promoting Fairness and Transparency for Business Users of Online Intermediation Services. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R1150 (accessed 15 July 2020).

Fay R. (2019). Digital Platforms Require a Global Governance Framework. Centre for International Governance and Innovation. Available at: https://www.cigionline.org/articles/digital-platforms-require-global-governance-framework (accessed 15 July 2020).

Feld H. (2019). The Case for the Digital Platform Act: Market Structure and Regulation of Digital Platforms. Roosevelt Institute/Public Knowledge. Available at: https://www.publicknowledge.org/assets/uploads/documents/Case_for_the_Digital_Platform_Act_Harold_Feld_2019.pdf (accessed 15 July 2020).

Government of France (2020). Regulation of Digital Platforms: Launch of a European Working Group. 25 February. Available at: https://www.gouvernement.fr/en/regulation-of-digital-platforms-launch-of-a-european-working-group (accessed 15 June 2020).Group of 20 (G20) Digital Economy Ministers (2017) G20 Digital Economy Ministerial Conference. Düsseldorf, 6–7 April. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/g20-digital-economy-ministerial-declaration-english-version.pdf (accessed 15 July 2020).

Group of 20 (G20) Digital Economy Ministers (2018). G20 Digital Economy Ministerial Declaration. Salta, 24 August. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/g20_detf_ministerial_declaration_salta.pdf (accessed 15 July 2020).

Group of 20 (G20) Digital Economy Ministers (2020). Extraordinary G20 Digital Economy Ministerial Meeting: COVID-19 Response Statement. Virtual Meeting, 30 April. Available at: http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-digital-0430.html (accessed 15 July 2020).

Group of 20 (G20) Leaders (2016). Plan deystviy “Gruppy dvadtsati” po innovatsiyam 2016 goda [2016 G20 Innovation Action Plan]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20инновации.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2016b). Kontury innovatsionnogo rosta “Gruppy dvadtsati” [Contours of G20 Innovative Growth]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Контуры.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2016c). Plan deystviy “Gruppy dvadtsati” v svyazi s novoy industrial’noy revolyutsiyey [G20 Action Plan for the New Industrial Revolution]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20индастриал.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2016a). Initsiativa “Gruppy dvadtsati” po razvitiyu i sotrudnichestvu v oblasti tsifrovoy ekonomiki [G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Инициатива%20цифр.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2019). Osakskaya deklaratsiya po voprosam tsifrovoy ekonomiki [Osaka Declaration on the Digital Economy]. Osaka, 29 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/OSAKA_DECLARATION_ON_DIGITAL_ECONOMY_rus.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2020). Ekstrennyy sammit liderov "Gruppy dvadtsati". Zayavleniye po novoy koronavirusnoy infektsii COVID-19 [Emergency G20 Leaders' Summit: Statement on the Novel Coronavirus Infection COVID-19]. Virtual Meeting, 26 March. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/saudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders'%20Summit_Statement_RUS.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Trade and Digital Ministers (2019). G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. Tsukuba City, 8–9 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (accessed 15 July 2020).

Heldt E., Schmidtke H. (2017). Measuring the Empowerment of International Organizations: The Evolution of Financial and Staff Capabilities. *Global Policy*, vol. 8, supplement 5, pp. 51–61. Available at: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12449 (accessed 15 July 2020).

Henriksen A. (2019) The End of the Road for the UN GGE Process: The Future Regulation of Cyberspace. *Journal of Cybersecurity*, vol. 5, no 1, Tyy009. Available at: https://doi.org/10.1093/cybsec/tyy009.

International Telecommunication Union (ITU) (2012a). Final Acts: World Conference on International Telecommunications. Dubai, 3–4 December. Available at: https://www.itu.int/en/wcit-12/Documents/final-acts-wcit-12.pdf (accessed 15 July 2020).

International Telecommunication Union (ITU) (2012b). Proposals for the Work of the Conference. ITU-SG WCIT12 Contribution 47. Available at: https://www.itu.int/md/S12-WCIT12-C-0047/en (accessed 15 June 2020).

International Telecommunication Union (ITU) (2013). Proposals for the Work of the Conference. ITU-SG WCIT12 Contribution 27. Available at: https://www.itu.int/md/S12-WCIT12-C-0027/en (accessed 15 June 2020).

Kimmelman G. (2019). The Right Way to Regulate Digital Platforms. 18 September. Shorenstein Center on Media, Politics and Public Policy. Available at: https://shorensteincenter.org/the-right-way-to-regulate-digital-platforms/ (accessed 6 March 2021).

KPMG (2019) Taxation of the Digitalized Economy: Developments Summary. Available at: https://tax.kpmg.us/content/dam/tax/en/pdfs/2019/digitalized-economy-taxation-developments-summary.pdf (accessed 15 July 2020).

Lall R. (2017). Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations. *International Organization*, vol. 71, no 2, pp. 245–80. Available at: https://doi.org/10.1017/S0020818317000066.

Lindoso V., Hall N. (2016). Assessing the Effectiveness of Multilateral Organizations. BSG Working Paper Series WP-2016/013, Blavatnik School of Government. Available at: https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-05/2016-04_Hall_Lindoso-Multilateral_Effectiveness.pdf (accessed 15 July 2020).

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2020). Vneshnepoliticheskaya i diplomaticheskaya deyatel'nost' Rossiyskoy Federatsii v 2019 godu [Foreign Policy and Diplomatic Activity of the Russian Federation in 2019]. Available at: https://www.mid.ru/documents/10180/4105169/%D0%9E%D0%91%D0%97%D0%9E%D0%A0+2019.docx/5ea5f13c-881a-45a8-9f61-831241e70e93 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Monteiro J.-A., Teh R. (2017). Provisions on Electronic Commerce in Regional Trade Agreements. Working Paper No ERSD-2017-11, World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201711_e.htm (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (1985). Declaration on Transborder Data Flows. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0216 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (1997). Recommendation of the Council Concerning Guidelines for Cryptography Policy. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0289 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2004). Recommendation of the Council on Broadband Connectivity. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0322 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2006). Recommendation of the Council on Cross-Border Co-Operation in the Enforcement of Laws Against Spam. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0344 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2007a). Recommendation of the Council on Cross-Border Co-Operation in the Enforcement of Laws Protecting Privacy. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0352 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2007b). Recommendation of the Council on Electronic Authentication. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0353 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2008a). Declaration for the Future of the Internet Economy (Seoul Declaration). Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0366 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2008b). Recommendation of the Council for Enhanced Access and More Effective Use of Public Sector Information. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0362 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2010). Recommendation of the Council on Information and Communication Technologies and the Environment. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0380 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2011). Recommendation of the Council on Principles for Internet Policy Making. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0387 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2012a). Recommendation of the Council on International Mobile Roaming Services. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0388 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2012b). Recommendation of the Council on the Protection of Children Online. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0389 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2013a). Recommendation of the Council Concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2013b). The OECD Privacy Framework. Available at: https://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecd_privacy_framework.pdf (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2015). Recommendation of the Council on Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0415 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2016a). Consumer Protection in E-Commerce: OECD Recommendation. Available at: https://www.oecd.org/sti/consumer/ECommerce-Recommendation-2016.pdf (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2016b). Declaration on the Digital Economy: Innovation, Growth and Social Prosperity (Cancún Declaration). Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0426 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019a). An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/an-introduction-to-online-platforms-and-their-role-in-the-digital-transformation_53e5f593-en;jsessionid=XNP36WHdzLdM2vJO0c2M6jYa.ip-10-240-5-42 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019b). Enhancing Access to and Sharing of Data. Available at: https://www.oecd.org/going-digital/enhancing-access-to-and-sharing-of-data.pdf (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019c). Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019d). Recommendation of the Council on Digital Security of Critical Activities. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0456 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019e). Recommendation of the Council on Health Data Governance. Available at: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0433 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019f). The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. Available at: https://doi.org/10.1787/e0e2dd2d-en (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020a). Policy Options to Support Digitalization of Business Models During COVID-19: Annex. Available at: http://www.oecd.org/sti/policy-options-to-support-digitalization-of-business-models-during-covid-19-annex.pdf (accessed 15.09.2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020b). Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy: Update on the Economic Analysis & Impact Assessment. Webcast, 13 February. Available at: https://www.oecd.org/tax/beps/presentation-economic-analysis-impact-assessment-webcast-february-2020.pdf (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020c). International Community Renews Commitment to Multilateral Efforts to Address Tax Challenges From Digitalisation of the Economy. 31 January. Available at: http://www.oecd.org/tax/beps/international-community-renews-commitment-to-multilateral-efforts-to-address-tax-challenges-from-digitalisation-of-the-economy.htm (accessed 15 June 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020d). Public Comments Received on the Draft Model Rules for Reporting for Platform Operators With Respect to Sellers in the Sharing and Gig Economy. 15 April. Available at: http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/public-comments-received-on-the-draft-model-rules-for-reporting-for-platform-operators-with-respect-to-sellers-in-the-sharing-and-gig-economy.htm (accessed 15 June 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) / Group of 20 (G20) (2020). Statement by the OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS on the Two-Pillar Approach to Address the Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy. Available at: http://www.oecd.org/tax/beps/statement-by-the-oecd-g20-inclusive-framework-on-beps-january-2020.pdf (accessed 15 July 2020).

PartNIR (2019). Work Plan for the BRICS Partnership on New Industrial Revolution. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/briks-brazilskoe-predsedatelstvo-2019/20190917_PARTNIR_WORK_PLAN.pdf (accessed 15 July 2020).

Pilat D. (2020). How G20 Countries are Accelerating Digital Transformation During the COVID-19 Crisis. OECD Innovation Blog, 7 August. Available at: https://oecd-innovation-blog.com/2020/08/07/g20-covid-19-digital-transformation-business-policy/ (accessed 15 September 2020).

Russia/China (2015). Framework for BRICS E-Commerce Cooperation. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/Ecommerce-cooperation.pdf (accessed 15 July 2020).

Stigler Center for the Study of the Economy and the State (Stigler Center) / The University of Chicago Booth School of Business (Booth School) (2019). Committee for the Study of Digital Platforms, Market Structure and Antitrust Subcommittee. Draft Report of 15 May. Available at: https://research.chicagobooth.edu/-/media/research/stigler/pdfs/market-structure---report-as-of-15-may-2019.pdf?la=en&hash=B2F11FB118904F2AD701B78FA24F08CFF1C0F58F (accessed 15 July 2020).

Strowel A., Wouter V. (2016). Digital Platforms: To Regulate or Not to Regulate? Available at: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/uclouvain_et_universit_saint_louis_14044.pdf (accessed 15 July 2020).

Tallberg J., Sommerer T., Squatrito T., Lundgren M. (2016). The Performance of International Organizations: A Policy Output Approach. *Journal of European Public Policy*, vol. 23, no 7, pp. 1077–96. Available at: http://doi.org/10.1080/13501763.2016.1162834.

Tallberg J., Zürn M. (2019). The Legitimacy and Legitimation of International Organizations: Introduction and Framework. *Review of International Organizations*, no 14, pp. 581–606. Available at: https://doi.org/10.1007/s11558-018-9330-7.

United Nations (UN) (1999). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/53/70. Available at: https://undocs.org/ru/A/RES/53/70 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2002). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/RES/56/19. Available at: https://undocs.org/ru/A/RES/56/19 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2005). Gruppa pravitel'stvennykh ekspertov po dostizheniyam v sfere informatizatsii i telekommunikatsiy v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti. Doklad General'nogo sekretarya [Group of Governmental Experts on Advances in Informatization and Telecommunications in the Context of International Security. Report of the Secretary-General]. Available at: https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/60/202 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2015b). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/70/237. Available at: https://undocs.org/ru/A/RES/70/237 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2015a). Gruppa pravitel'stvennykh ekspertov po dostizheniyam v sfere informatizatsii i telekommunikatsiy v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti. Zapiska General'nogo sekretarya [Group of Governmental Experts on Advances in Informatization and Telecommunications in the Context of International Security. Note by the Secretary-General]. Available at: https://undocs.org/ru/A/70/174 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2018b). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/73/27. Available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/27&Lang=R (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2018a). Pooshchreniye otvetstvennogo povedeniya gosudarstv v kiberprostranstve v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/73/266. Available at: https://undocs.org/ru/A/RES/73/266 (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Vasilkovsky S.A., Ignatov A.A (2020). Kontseptsiya tsifrovogo suvereniteta i rol' negosudarstvennykh institutov v sisteme regulirovaniya Interneta [The Concept of Digital Sovereignty and the Role of Non-State Institutions in the Internet Regulation System]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, vol. 15, no 4, pp. 196–203. Available at http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-10 (in Russian).

World Economic Forum (WEF) (2020). Burning Planet: Climate Fires and Political Flame Wars Rage. News Release, 15 January. Available at: https://www.weforum.org/press/2020/01/burning-planet-climate-fires-and-political-flame-wars-rage (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017a). Work Programme on E-Commerce: Communication From Australia, Canada, Chile, the European Union, the Republic of Korea, Norway and Paraguay. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278,238899&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishrecord=true (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017b). Work Programme on Electronic Commerce: Communication From Bangladesh, Panama and Singapore. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-Html.aspx?Id=240761&BoxNumber=3&DocumentPartNumber=1&Language=E&HasE

nglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True&Window=L&PreviewContext=DP&FullTextHash=371857150# (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017c). Work Programme on E-Commerce: Communication From the Russian Federation. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239336,239275,239266,239269,239278,238899,238906&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017d). The Work Programme on Electronic Commerce: Statement by the African Group. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239609,239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=False&HasSpanishRecord=False (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017e). New Initiatives on Electronic Commerce, Investment Facilitation and MSMEs. 13 December. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/minis_13dec17_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (2018a). Exploratory Work on Electronic Commerce: Non-Paper From Brazil. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/Jobs/GC/176.pdf&Open=True (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2018b). Work Programme on Electronic Commerce: Moratorium on Customs Duties on Electronic Transmissions: Need for a Re-Think. Communication From India and South Africa. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W747.pdf&Open=True (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019a). Joint Statement on Electronic Commerce: Communication From China. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/19.pdf&Open=True (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019b). Joint Statement on Electronic Commerce Initiative: Communication From the United States. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/5.pdf&Open=True (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019c). Work Programme and Moratorium on Electronic Commerce: Communication From Chad on Behalf of the LDC Group. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W787.pdf (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019d). DG Azevêdo Meets Ministers in Davos: Discussions Focus on Reform; Progress on E-Commerce. 25 January. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/dgra_25jan19_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (2020). WTO Members Discuss Kazakhstan's Offer to Host 12th Ministerial Conference in June 2021. 29 May. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/gc_29may20_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (n. d., a). Briefing Note: Electronic Commerce. Available at: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min11_e/brief_ecom_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (n. d., b). Trade Topics: Joint Initiatives. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Browse/FE_B_009.aspx?TopLevel=10785#/ (accessed 15 June 2020).